

***В**нимание и существование: знакомство с неизвестным и удостоверение наличного*

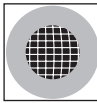
Е.В. ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА

Статья посвящена вопросу о том, как человеческое внимание определяет само существование фрагментов реальности, явлений и событий. Автор выясняет необходимые структурные моменты рассмотрения чего-либо в качестве существующего, освещает вопрос о субъекте и объекте внимания, обращается к специфике утверждения существования при помощи намеренного, ненамеренного и вынужденного внимания. В статье также анализируется, каким образом утверждаются в качестве существующих главные определения внутреннего мира человека.

Ключевые слова: внимание, существование, удостоверение, субъект, объект, намеренность, ненамеренность, Я, бессознательное.

В статье «Сотворение мира вниманием: подступы к проблеме» (Эпистемология и философия науки. 2010. № 4) мы начали рассмотрение избирательного формирования образа мира человеческим вниманием. В статье, предлагаемой читателям сегодня, мне хотелось бы продолжить заявленную тему, обратившись к тому, каким образом внимание определяет сам факт существования предмета или явления. Разумеется, сю-

жет существования чрезвычайно широк, он является отдельной темой, имеющей множество граней, поэтому следует сразу подчеркнуть, что предметом нашего рассмотрения в данном тексте является не «бытие как таковое», не квантор существования, не связка «есть» вкупе с прочими разнообразными и интересными темами, а исключительно вопрос о том, как существование полагается вниманием, как оно открывается вниманием и как удостоверяется им. Да и эту проблему в рамках статьи можно лишь поставить.

Внимание, существование, удостоверение. Начнем с того, что для человека актуально существует лишь то, что им *замечено*. То есть речь идет не об «объективно существующем неведомом», а исключительно о том, что нам дано – явлено как существующее, стало достоянием нашей субъективности – переживания, осознания, мышления. Направление внимания на некую еще мгновение назад не данную нам и неведомую для нас область внешнего или внутреннего мира есть своего рода открытие – мы открываем нечто как существующее. Ярким примером этого являются развлекательно-тренировочные картинки, где из странных пятен, расплывчатых паттернов и световых бликов нужно выделить образ, увидеть фигуру на фоне; другим, более старым примером выступает возможность увидеть либо вазу, либо два профиля на изображении Эдгара Рубина (1915). Ваза или профили начинают существовать прямо на наших глазах, одно возникает из другого. То же относится ко всему, что впервые замечено: чужие черты характера и собственные чувства, социальные изменения и телесные трансформации. Так, глядя на своего ребенка-подростка, мать с удивлением говорит: «А ты уже взрослый». Таким образом утверждается существование «взрослого человека».

Однако заметить нечто как существующее, возникшее наряду со всем другим существующим, это еще не все. Очень важно для удостоверения существования, чтобы другие люди *согласились* с тем, что нечто, замеченное нами, существует. Разумеется, открытие существования чего бы то ни было всегда происходит прежде всего на фоне принятой картины мира (обыденной, научной, духовной и т.д.), которая является «разделенной реальностью» и предполагает наличие множества вещей и отношений как бы «по умолчанию». Когда же мы замечаем нечто прежде не бывшее как существующее, то нам необходимо согласие других в том, что это действительно есть, т.е. внимание должно стать разделенным, коллективным, чтобы придать замеченному нами онтологический вес.

Но и этого мало для того, чтобы нечто, являющееся предметом нашего внимания, расценивалось как существующее. Другие еще должны согласиться с нами в *истолковании* того, что именно существует. Что это: черное пятно на занавеске в окне напротив или спящая черная кошка? Это человеческий крик или звук клаксона? Это опас-

ная социальная проблема или неизбежные издержки любой общественной жизни? И еще: это ангел к вам приходил или у вас был приступ психической болезни? Существование удостоверено только тогда, когда по поводу него получено согласие в худшем случае узкой группы людей, в лучшем – человечества, хотя человечество никогда не представлено все сразу и потому скорее можно говорить о «массовом признании», а также о признании чего-либо существующим в первую очередь властными доминирующими группами. Когда в Европе безраздельно господствовало религиозное миропонимание, опирающееся на власть и влияние церкви, никто не сомневался в существовании христианского Бога.

Сказанное относится к существованию явлений как внешнего, так и внутреннего мира. Онтологический статус «объективной» или «субъективной» реальности придается замеченному именно внешним согласием. Однако отдельный человек, в круг внимания которого попадают прежде всего внутренние предметы, в своем опыте осознания воспринимает их с очевидностью. Э. Гуссерль писал: «Очевидность предстает как сущностная и фундаментальная характеристика интенциональной жизни вообще. Всякое сознание вообще или уже само обладает характером очевидности – это означает, что его интенциональный предмет предстает в нем как самоданный, или же оно сущностно нацелено на перевод в самоданности...»¹ Существование в таком случае дано прямо и несомненно. Внимание само удостоверяет его бытие. Если «у меня есть мысль, и я ее думаю», то нет оснований спрашивать, существует ли моя мысль. В то же время существование чего-либо для человека может в индивидуальном порядке и при несогласии окружающих удостоверяться его практической полезностью. Об этом говорит крылатая фраза: «Если мне помогает ангел, значит, ангел существует».

Субъект и объект созидającego внимания. Первым и главным уровнем «миросозидания» с помощью внимания является отдельный индивид, хотя он не находится в пустоте и, как известно, приходит в хорошо обустроенный и в смысловом отношении разграфленный социокультурный мир. И все же изначальный субъект внимания именно он. Он – собственно человек, живой источник восприятия, активности, внимания. Образ мира формируется им во взаимодействии различных систем восприятия. Основатели нейро-лингвистического программирования (НЛП) Дж. Гриндер и Р. Бэндлер выделяют в опыте в качестве доминирующих зрительный, слуховой, кинестетический и логический каналы, по которым в первую очередь направляется внимание человека: «аудиал» – нацелен в первую очередь на звуки и помнит именно их, «визуал» воспринимает действительность как

¹ Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2001. С. 50.

серию изображений и т.п. Для людей с разной доминантой восприятия существуют несколько различные картины мира. Один живет в первую очередь в звучащем мире, другой – в зрительном, третий в осязаемом, четвертый всегда направлен на мысль. Разумеется, подчеркивать одни различия было бы огрублением. Сами создатели НЛП пишут: «Наше утверждение состоит в том, что вы все время используете все системы. В определенном контексте вы будете осознавать одну систему больше другой»². Таким образом, разные индивиды, замечая в реальности одни моменты больше, чем другие, лишь представляют акценты, и сенсорно «мир видится по-иному» лишь в крайних случаях: при дефектах восприятия или при особом таланте, связанном с определенным сенсорным каналом. Так, для гениального музыканта реальность соткана из звуков в гораздо большей степени, чем для обычного человека.

Субъект внимания не обладает полной свободой «импровизации реальности», но частичной свободой ее восприятия-полагания. Он может осознанно либо неосознанно выбирать разные ракурсы действительности, на которых концентрируется, утверждая таким образом некоторые события и явления, а также других субъектов и объекты как существующие и входящие в его жизненный мир. Этим выбором он полагает границу между тем, что «есть» в его действительности, и тем, чего в ней «нет». Хотя граница эта, несомненно, подвижна, и актуальный «круг существующего» может то расширяться, то сужаться.

Субъекты внимания, как мы уже упомянули, могут быть разных уровней. Индивидуальные субъекты объединяются в коллективные просто по факту единой направленности внимания и усмотрения в мире и культуре одних и тех же явлений – уже существующих или возникающих. Внимание субъектов-групп заведомо рубрицировано в том, что П. Бурдые называет «габитус»: существующими и актуальными оказываются совершенно определенные характеристики и факты социокультурной жизни, способы поведения и реагирования. Те, что не вписываются в заданную схему и остаются на периферии внимания, часто просто не замечаются и потому для группового сознания не существуют как таковые. Эти «невидимые характеристики жизни» проскакивают через ячейки той сети, которой коллективное внимание «ловит мир». Коллективное и групповое внимание организуется управляющими структурами социума, оно не является чисто спонтанным или даже традиционным. И хотя культурная традиция – это тоже мощный способ организации внимания и утверждения существования определенных артефактов, власть и социокультурные элиты во все времена навязывают массам свою модель существующего ми-

² Бэндлер Р., Гриндер Дж. Из лягушек в принцы (нейро-лингвистическое программирование). М., 2005. С. 51.

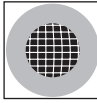

ра, концентрируя внимание людей на определенных явлениях, в том числе и с помощью принуждения.

Стоит в то же время заметить, что определенные пласты реальности табуируются для восприятия и внимания и «как бы не существуют» именно по этой причине. Часто такому табуированию подвергаются теневые стороны общественной жизни, а в качестве существующих и доминирующих на первый план выходят «праздничные» и «витринные» стороны социальной реальности. Это особенно характерно для авторитарных и тоталитарных режимов, создающих своим гражданам «королевство кривых зеркал», где внимание общественности приковывается к «отражению в кривом зеркале»: там толстый мальчик ест толстую булку, в то время как перед зеркалом на самом деле стоит худой нищий с коркой хлеба. Но обращать внимание на нищего нельзя, он, условно говоря, «не существует». Разного рода «потемкинские деревни» и имитационные структуры, создаваемые заинтересованными лицами – организаторами внимания, могут являть собой «бытийные фальшивки» уже не только для масс, но и для власть предержащих, внимание которых, прикованное к тому, чего на самом деле нет (зато о чем приятно думать), полностью игнорирует реальное положение дел.

Возвращаясь от социокультурного субъекта внимания к индивидуальному, мы можем подчеркнуть, что избирательное восприятие-полагание мира (когда одно замечается, а другое – нет) сродни творчеству. Речь идет не о равнодушном принятии заданных окружением схем, которые во многом уже стали «фоном» (активное внимание к ним за давностью восприятия выродилось, и они являются просто декорацией для развертывания жизни), а об активной концентрации внимания на определенных сторонах реальности. Так, один человек сконцентрирован на деятельности и целедостижении, другой – на удовольствиях, третий – на проблемах коммуникации, и каждый входит в детали предмета своего внимания, открывает в интересующем его объекте все новые пласты, смотрит на выделенный сегмент мира и как ученый, и как художник.

Говоря о субъекте внимания, мы уже фактически перешли к рассмотрению его объектов. Когда говоришь о внимании, нельзя обойтись без субъектно-объектной схемы, потому что направленное внимание, его живой луч предполагает некое отстояние «внимающего» от того, чему он внимает. Объект внимания в контексте нашего разговора – это открытая возможность полагать существование самых разных вещей, вещей в широком смысле слова. Само внимание создает свои объекты с их множественными конфигурациями, выхватывая из континуальности мироздания отдельные фрагменты, влекущие к себе наш интерес. Статус существования автоматически присваивается тому, на что внимание обращено, будь то вспышка света, громкий хлопок, безумная фантазия или сложная мысль. Не пытаюсь описать

несметное многообразие объектов внимания, соответствующих субъектам разного уровня, мы лишь отметим, что, во-первых, как уже было сказано, эти объекты в массе заранее определены обществом и культурой как существующие, а во-вторых (о чем писал Э. Гуссерль в «Картезианских размышлениях»), мир в целом никогда не дан нам как объект внимания. Внимание как характеристика сознания обладает свойством горизонтности, мы можем лишь переходить от одних объектов к другим, воспринимая-полагая их как существующие.

Кроме того, тема объектов внимания как таковых предполагает как минимум двойственность их онтологических характеристик: внимание полагает существующими предметы как внешней реальности, так и внутреннего мира. И хотя мы обычно их не путаем, кроме случаев галлюцинаций, их реальное существование не так просто и однозначно, как может показаться, потому что и в культуре, и в психофизическом бытии человека внутренние и внешние объекты, существующие в «разных регионах бытия», на самом деле активно взаимодействуют, порой неумовимо переходя друг в друга.

Намеренность, ненамеренность и принудительность «творящего мир» внимания. Психологи выделяют намеренное и ненамеренное внимание. В случае, когда внимание активно побуждается извне, наличный мир мощным воздействием заставляет нас признать себя существующим, властно требует нашего участия, даже если мы не хотим его давать, можно говорить о «принудительном внимании». Если же мы случайно, походя замечаем, что нечто есть, то здесь проявляется ненамеренность иного рода, это скорее момент спонтанности, субъективно переживаемый не как насилие над нами объективных факторов, но как момент «фортуны», совпадения внутреннего и внешнего. Сознательное, намеренное внимание в реальной жизни тесно связано и переплетено с ненамеренными моментами разного рода, выбор нашей «картины мира» всегда обусловлен «давящим существованием» независимых от нас факторов, порой весьма неопределенных. Взглянем коротко на «утверждение существования вниманием» в разных сферах жизнедеятельности человека.

1. Сфера науки. В научных исследованиях, которые строятся на базе наличия гипотезы, внимание ученого намеренно направлено на возможное существование определенных свойств реальности. Полагаемое вниманием существование вероятно, предполагаемые свойства предметов обладают двойственным онтологическим статусом: они есть как предположение, но их нет как удостоверенных опытом. Более того, внимание, намеренно направленное на поиск и утверждение неких свойств природного мира, может ненамеренно в виде побочного результата открыть совершенно другие свойства изучаемого предмета и именно они будут проверены и удостоверены как

существующие. Это, впрочем, не отменяет продолжения намеренного поиска характеристик, чье бытие пока идеально и вероятно.

2. *Сфера массовой культуры.* В области культуры существование чего-либо как культурной ценности и востребованного культурного товара в равной степени подчинено логике как намеренного, так и ненамеренного внимания. Например, «культовый писатель» как факт литературной жизни. Реальный писатель изначально не существует как «культовый», как предмет читательского спроса и поклонения. Чтобы такая ситуация сложилась, она должна быть произведена массовым вниманием и интересом к нему. Известный фантаст и культуролог С. Лем, рассматривая появление популярного произведения перед массовой аудиторией, пишет, что намеренное предъявление новой книги критиками и определение ими исключительности произведения не являются подлинной причиной признания. «Реальный же процесс признания литературного произведения статистичен, — отмечает он. — Произведение движется на рынке читательского восприятия на основе случайных флуктуаций»³. По Лему получается, что одновременно может выходить в свет целый ряд равно талантливых произведений, но не представляется возможным полностью понять, отчего внимание и интерес читателя в большей мере обращаются к одному, чем к другому, а третий — ничем не худший — и вовсе остается незамеченным. Из многих потенциально равных для публикации наделяется существованием лишь один. Здесь велик фактор случайности, хотя мы можем перечислять целый ряд возможных условий, а также структурно-семантических и социально-политических причин для такой ситуации.

В то же время в современной массовой культуре существует мощный и разветвленный механизм манипуляции вниманием читателя и зрителя, так называемый феномен «раскрутки». Это большое вложение денег в разнообразную рекламу творца и его произведения. Видимо, рассматривая тему намеренного/ненамеренного внимания в массовой культуре, все же нельзя сбрасывать со счетов подлинное качество произведения: сколько ни «раскручивай» пустую поделку, она может привлечь внимание лишь на мгновение, пока люди не разберутся, что им подсунули пустышку, и не отвернутся.

И все же всякий раз трудно до конца определить, в какой мере успех и соответственно «культурное существование произведения и автора» определялись намеренными и организованными усилиями, а в какой — естественным и спонтанным вниманием, в какой мере они идут от публики, а в какой — от менеджмента и пиара.

3. *Сфера экзистенциального переживания и личной жизни.* Возникновение для нас в личной жизни чего-либо нового, не принадлежащего к кругу «уже существующего», может быть по большей части

³ Лем С. *Философия случая*. М., 2005. С. 199.

либо ненамеренным, либо принудительным, хотя нельзя исключить и намеренный поиск, предполагающий направленное внимание. Так, описанный классиком эффект «пора пришла, она влюбилась» выступает проявлением предварительного полубессознательного поиска: где он там существует, этот гипотетический возлюбленный? В подобном случае «существование любимого» постулируется даже тогда, когда все окружающие мужчины на самом деле вовсе не годятся на подобную роль, т.е. как герои любовного романа попросту не существуют. Таким образом, «онтологическое полагание» творится фантазийно-волевым путем.

Ненамеренное открытие нового без предварительной установки может быть счастливым и радостным. Внимание спонтанно направляется на моменты, которые ранее не чувствовались и не осознавались, на те грани мира, которые находились за границами интереса и прямого восприятия. Так в книге Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» описано экзистенциальное открытие, которое делает мальчик Дуглас Сполдинг. Дурачась в лесу с младшим братишкой, он вдруг случайно в прямом ощущении открывает сам факт своей жизни. «Я и правда живой, – думал Дуглас. – Прежде я этого не знал, а может и знал, да не помню. Он выкрикнул это про себя раз, другой, десять! Надо же! Прожил на свете целых двенадцать лет и ничегошеньки не понимал! И вдруг такая находка: дрался с Томом и вот тебе – тут, под деревом, сверкающие золотые часы, редкостный хронометр с заводом на семьдесят лет!»⁴. Точно так же – ненамеренно и внезапно – порой возникает глубокое чувство: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» «Явилась» – значит, раньше «такой как сейчас» не существовала, не выступала как «гений чистой красоты», даже если и была знакома.

Однако «утверждать свое существование» посредством принудительного привлечения нашего внимания могут и факторы неприятные. Причем они одновременно высвечивают в качестве существующих и самих себя, и нарушенное отношение с миром. Так, мы не помним о наличии воздуха, когда дышим без затруднений, и только недостаток кислорода или простуда, мешающая дышать, обращают внимание как на себя, так и на важность воздуха. Дружба, мир и любовь, когда они постоянно сопровождают жизнь, тоже выступают в качестве «фона» всех других дел и отношений, и психологи хорошо знают, что нередко мы начинаем их ценить, когда теряем. Счастье и чужая забота часто выступают в роли «существования-невидимки», они не отмечаются как факты бытия. В известном стихотворении Н. Заболоцкого «Жена» поэт описывает капризного писателя, которому трепетно услуживает супруга, которую он не замечает и не ценит:

⁴ Брэдбери Р. Вино из одуванчиков. М., 1967. С. 30–31.

Так кто же ты, гений вселенной?
Подумай, не Гёте, ни Дант
Не знали любви столь смиренной,
Столь трепетной веры в талант.

О чем ты скребешь на бумаге?
Зачем ты так вечно сердит?
Что ищешь, копаясь во мраке
Своих неудач и обид?

Но коль ты хлопчешь о деле,
О благе, о счастье людей,
Как мог ты не видеть доселе
Сокровища жизни своей?

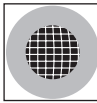
В данном случае мы говорим о видах внимания, но отдельной темой, в особенности применительно к личным отношениям, выступает тема невнимания, игнорирования, когда чье-то реальное существование в упор не видят. Х. Ортега-и-Гассет в одной из своих работ пишет о том, что любовь утверждает бытие Другого, а ненависть отрицает, потому что желает Другому смерти. В продолжение сюжета можно сказать, что пренебрежение и высокомерие не желают Другому физической смерти, но они практически осуществляют экзистенциально-онтологическую смерть: существующий человек радикально вычеркивается из круга внимания⁵.

Полагание вниманием внутреннего мира и его структуры.

Особенно трудными и спорными в отношении созидания вниманием и коллективного удостоверения их существования являются феномены, относящиеся к духовной сфере, составляющие внутреннего мира, абстракции, такие, казалось бы, непререкаемые факты культуры, как фигура Бога или моральные ценности. В некоторые культурные эпохи они могут выдвигаться на передний план, становиться объектом коллективного и индивидуального внимания, постоянно создаваться и пересоздаваться им. В другие эпохи они становятся неактуальны, выпадают из сферы социокультурного и личного интереса, становятся даже не фоном жизни, а чем-то находящимся далеко за ее границами. Социуму не приходится полностью открывать их как неведомую землю, но на определенных этапах они переоткрываются заново и заново же удостоверяются – порой в несколько ином качестве.

Одним из таких феноменов выступает человеческое Я. На первый взгляд кажется, что проблемы здесь нет, ведь каждый человек самым естественным образом является Я, чувствуя себя центром созерцания, воления и активности. Я становится предметом внимания в самосознании, в рефлексии, при обращенности на самого себя, когда

⁵ Эта тема является предметом рассмотрения книги П. Вацлавика, Д. Бивин и Д. Джексона «Психология межличностных коммуникаций» (СПб., 2000).

устанавливает дистанцию между осознанием и чувственно-эмоциональной сферой, осознанием и поведенческими импульсами. Все возможности самоотношения, самооценки и сознательной саморегуляции заключены в этой способности «быть Я» – оборачиваться на себя как на центр интенций, переживаний и состояний. В то же время у разных людей и в разные эпохи Я актуально в разной мере. Вероятно, были огромные периоды истории, когда оно вообще не занимало человеческого внимания. До сегодняшнего дня есть множество людей, которые, привычно употребляя местоимение «я», никогда не задумываются, что это такое, пользуясь своим внутренним центром чисто операционально. Таким образом их Я для них как бы и вовсе не существует, они полностью обращены вовне или максимум – к собственной телесности, если с ней что-то не в порядке. Даже акции самоутверждения в этом случае не связаны с рефлексией, собственное Я оказывается лишь предметом, который можно сравнивать с другими предметами в отношении места в социальной иерархии или степени причастности символическому потреблению.

Тем не менее эмпирическое существование Я уже в древней Индии подверглось сомнению и стало предметом критического внимания. Эгоизм, страх смерти и утраты удовольствий были оценены как негативные следствия наличия «маленького человеческого Я», и буддийские мудрецы прошлого не только посокрушались о том, что оно есть, но также приняли решение о том, что на самом-то деле его нет. Не существует. То есть внимание к Я стало здесь вниманием-негацией: найти и уничтожить! Все современные мистико-эзотерические школы, включающие в себя буддийские философские мотивы, несмотря на свою сугубо «западную прописку», отказывают Я в реальном существовании и уделяют внимание лишь тому, что Я (как иллюзия) должно быть преодолено.

Современные российские философы тоже выступают против человеческого Я. Так, известный автор И.А. Бескова полагает возникновение Я прискорбным обстоятельством и проявлением грехопадения. Она пишет: «Отождествление себя с одним из стратов собственной телесности равносильно формированию *позиции наблюдателя* по отношению к потоку жизни: человек выпадает из целостного процесса, где не было ни Я, ни Ты, ни Оно, а было ощущение разлитого единства, целостности с миром (впрочем, и самих понятий Я и “мир” не существовало, раз не было двойственности)»⁶. И хотя в этом размышлении можно отчетливо увидеть «восточный след», не вполне понятными остаются преимущества слияния с целостностью по сравнению с восприятием дифференцированной реальности, так же как неясно,

⁶ Бескова И.А. Восприятие: непосредственное и опосредованное // Психология и психотехника. 2010. № 8. С. 32.

кто будет ощущать эти преимущества, если Я не существует и в силу этого ни на что не может обращать внимание.

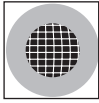
Другой достаточно известный автор В.И. Молчанов полагает, что Я как таковое вообще не существует в опыте и является продуктом интерпретации: «Я-язык оказывается неадекватным для выражения опыта очевидности и различия очевидности и других типов опыта (очевидность радости не есть радость, но “я радуюсь” явно неадекватное выражение этой очевидности), однако этот язык является полезным для фиксации определенной двойственности, если не тройственности, любого опыта...»⁷

И все же далеко не все исследователи полагают, что Я следует отправить куда-то в тень и лишить его центрального статуса, всегда больше или меньше притягивающего внимание. Большинство психологов-практиков, психотерапевтов и психиатров, имеющих дело с конкретными человеческими проблемами, уделяют Я своих подопечных очень большое внимание как центру личности, как стержню индивида, без которого он рассыпается на отдельные маски и роли, невротические симптомы, неадекватные реакции. Для них Я не только существует, но должно воспитываться, укрепляться и развиваться, чтобы человек был здоров и счастлив. Может быть, Я и есть результат грехопадения, может быть, некий чистый опыт различений и не включает переживания собственной отдельности и локального единства, но человек, живя в эмпирическом мире, *должен* уделять внимание своему Я.

Термином Я активно пользуются З. Фрейд и К.Г. Юнг, последовательно отделяя Я как самосознающее и самоконтролирующее начало от тьмы бессознательного. Приведем обширную цитату из Юнга, где он стремится защитить Я от стихии бессознательного и при этом во все не сомневается в существовании этого Я: «Ассимиляцию Я самостью следует расценивать как психическую катастрофу. Образ целостности остается в бессознательном. Поэтому, с одной стороны, он имеет долю в архаической природе бессознательного, с другой – в той мере, в какой он содержится в бессознательном, он находится в характерном для этого последнего психически относительно пространственно-временном континууме. Оба эти качества нуминозны и поэтому безусловно директивны для сознательного Я, которое дифференцировано, т.е., отделено от бессознательного и к тому же находится в абсолютном пространстве и абсолютном времени. Такое положение дел означает витальную необходимость. Если поэтому Я на некоторое время попадает под контроль какого-либо бессознательного фактора, то его адаптация нарушается, а это широко открывает ворота всякого рода случайностям»⁸.

⁷ Молчанов В.И. Различение, поток сознания и гипертрофия Я // Дискурс персональности (язык философии в контексте культур). М., 2005. С. 78.

⁸ Юнг К.Г. Эон (исследование о символической Самости). М., 2009. С. 35.

Понятие Я постоянно применяет Р. Лэнг, говоря о «расколотом Я», «воплощенном» и «невоплощенном». Впрочем, внимание к человеческому Я свойственно не только практикам, оно также вполне характерно для религиозных философов, стоит лишь вспомнить М. Бубера с его «Я-Ты-Оно» и аналогичную триаду у С.Л. Франка. Даже К. Уилбер, весьма склонный к буддизму, но не отождествляющий себя с ним, не спешит выставить Я за порог и отвести от него луч внимания. Напротив, он рисует целую систему Я. «Если вы прямо сейчас присмотритесь к самому себе, – пишет он, – просто отметите, что же вы называете собственным Я – вы, возможно, заметите по меньшей мере две части этого “Я сам”: во-первых, есть наблюдающее “Я сам” (внутренний субъект или свидетель); во-вторых, есть наблюдаемое “Я сам”... Первое переживается в опыте как Я, второе – как Я косвенное (англ. me) или даже как нечто “мое”»⁹. И для Уилбера это – только начало Я-иерархии.

Думается, столь многие авторы вряд ли размышляли бы о Я, если бы оно ежеминутно не присутствовало в нашей жизни и постоянно не воспроизводилось нашим самосознанием. Другой вопрос, что Я способно быть континуальным и дискретным, «эго» и «метаэго» (В.В. Налимов), процессом и его ядром. Вполне возможно, что именно внимание процесса сознания-бытия к самому себе и создает то Я, к которому обращаются психологи, психотерапевты и религиозные философы, а также любой обычный человек. Так же как при внимании наблюдателя электрон из волны «превращается» в частицу, поток нашего мировосприятия превращается в Я, кристаллизуется, когда мы обращаем на него внимание или, говоря иначе, когда он сам смотрится в себя как в зеркало. Эта петля замкнутости сознания на себя и создает Я – центр всех реакций, чаяний, фантазий и стремлений. Нередко это происходит по велению внешних обстоятельств: «Кто пойдет первым? – Я!»; «Кто виноват? – Я...» Созерцательный поток, сливающийся с миром, ни на что не направляет внимание – ни на внешние вызовы (ибо нет ничего внешнего), ни на нравственные призывы. Чтобы ответить, надо стать Я, надо стать отдельностью и самоотчетной целостностью.

Если Я по крайней мере непосредственно вошло в обыденную речь, фиксируя на себе внимание человека и утверждая свое существование, то еще более туманным является вопрос о существовании бессознательного. Собственно, бессознательное как таковое в качестве важной части внутреннего мира не существовало в социокультурном сознании до Фрейда. Для философствующего сознания античности существовали страсти, аффекты, с которыми надо бороться. Для христианства представлялись вполне очевидными низменные черты человеческой природы и бесы, которые овладевают человеком и «вводят» его, все дальше уводя от Бога и верного поведения. Новое время

⁹ Уилбер К. Интегральная психология. М., 2004. С. 51.

вновь борется с аффектами, с неуправляемыми эмоциями, человеческая душа порой представляется весьма смутной, но не бессознательной, а бессознательные силы у Шопенгауэра и Ницше – это силы мировые, а не только душевные. И вдруг с начала XX в. внимание просвещенной Европы приковывается к такой части нашего «большого Я», как некие его «нижние пласты», где и Я-то фактически не существует, где оно – не хозяин, потому что там буйствуют вытесненные запретные желания и забытые страхи. Фактически всякому, кто приобщается к учению Фрейда, надо принять то, что в нем самом есть нечто, не явленное прямо, не контролируемое, говорящее на языке снов и ошибок поведения, и что это таинственное Оно, тем не менее, может и должно быть объектом внимания. В данном случае объект «бессознательное», расположенный во внутреннем мире человека, был прямо и непосредственно создан «лучом внимания» психолога-исследователя, хотя вскоре стал реальной проблемой для сотен и тысяч увлекшихся его учением людей. Бессознательное, когда оно создается вниманием как фигура внутреннего мира, это не бесы, которые захватывают душу выборочно, оно универсально, имеется у всех, поэтому каждый должен быть начеку и спрашивать себя: а не является ли моя дочерняя любовь скрытым влечением? А не ненавижу ли я свою сестру, полагая, что я ее люблю? Внимание к бессознательному и постоянное пересоздание его образа привело, с одной стороны, к вспышке массовой подозрительности среди причастной к психоанализу публики, а с другой – к моде на походы к «своему аналитику».

Разумеется, фрейдовские штудии не возникли на пустом месте, они были интерпретацией богатого терапевтического опыта, но как всякая теоретическая схема они создали условный мир, который благодаря вниманию последователей и поклонников обрел вполне солидное социокультурное существование, благополучно продолжающееся по сегодняшний день. Примечательно, что удостоверение фактического наличия внутренних фигур, таких, как Оно, Я и Сверх-Я у Фрейда или архетипы у Юнга, происходит в конкретном сообществе, где его участники постоянно в диалоге подтверждают присутствие подобных реалий. Для людей за рамками этого круга соответствующие фрагменты внутреннего мира просто не существуют, они их не чувствуют и не замечают, а если и замечают что-то подобное, то соответственно именуют по-иному, придают им иной смысл и значение, т.е. выделают из фона переживаний иной образ. Верующего, как мы уже заметили, «водит бес», но не бессознательное.

Условные реальности, созданные вниманием применительно к человеческому Я (внутреннему миру, душе), вообще весьма устойчивый феномен. Для того, кто приобщился к психотерапии, внимание, постоянно обращенное к ним, категорически уничтожает саму их исходную условность, делает их онтологически достоверными. И сколько бы ни оговаривался автор, например К.Г. Юнг, что, мол,

его архетипы – это только возможности определенного типа восприятия, его продолжатели и поклонники (в том числе психотерапевты-профессионалы) относятся к архетипам как к неким реально существующим формам-сущностям, выискивая в себе, то Тень, то Анимуса с Анимой, то припаявшуюся к подлинному лицу Персону-маску. Эту особенность работы с человеческой душой – сотворение особого мира с помощью внимания и наименования – хорошо описывает известный психолог А. Сосланд. В своей книге, посвященной умению создавать школы психотерапии¹⁰, он раскрывает приемы, с помощью которых строится – посредством направляемого терапевтом внимания – особая реальность, рождаемая с точки зрения автора психологической потребностью самого психотерапевта. Сосланд, строя свой анализ иронически, тоже дает выделяемым приемам особые имена, что выглядит как пародийное создание «еще одного мира» над миром психотерапевтических теорий. Он говорит об архинации – нахождении исторически первого толчка к проблемам, эвольвенции – хронологии патологии, купидо – главном неудовлетворенном желании и его объекте, обстанции – препятствии на пути к желанию и т.д. Фактически Сосландом обозначаются здесь те онтологизирующие «центры внимания», которые введут клиента в особую реальность «страдания и излечения».

Без этих настойчивых акцентов, схематизаций и рубрикаций, производимых на базе личного опыта терапевта, т.е. его интерпретации, жизнь клиента останется просто потоком, который осмысливается и переживается на совсем другом основании, с полаганием иных объяснительных схем. Горе клиенту, если он слишком слился со схематикой терапевта и поверил в нее как в единственно истинную манифестацию положения дел. При хорошем раскладе и терапевт, и клиент понимают, что пользуются инструментами познания, рабочими схемами, способными меняться, тогда не происходит «полагания существования», берущего клиента в тиски чужой фантазии. И хорошо, когда эта терапевтическая фантазия не просто субъективна, а действительно затрагивает универсальные характеристики внутреннего мира.

Завершая это небольшое размышление о том, как внимание утверждает для нас существование самых различных предметов и явлений, следует подчеркнуть, что тема эта велика и обширна. Это вопрос не только о существовании или отсутствии сфер внутреннего мира, применительно к которым слова часто путают с «вещами», но и вопрос о существовании многих реалий культуры, которые и номинально и реально исчезают, когда от них «отводят взгляд». Тема внимания связана с темой забвения, памяти, припоминания, с темами открытия и творчества. Она также относится и к пространству, Богу, другому человеку. Но это уже сюжеты для будущего рассмотрения.

¹⁰ См.: Сосланд А. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или Как создать свою школу в психотерапии. М., 1999.